

**Ландшафт Сарматии
как хранилище культурно-исторической памяти
в поэзии Иоганнеса Бобровского**

Иоганнес Бобровский (1917–1965) — один из крупнейших немецких писателей XX века. Его голос — неподкупный голос своей эпохи, который сквозь года слышен нам сегодня. Проблемы, поднятые И. Бобровским, чрезвычайно актуальны, ибо связаны с проблемами исторической памяти, вины и покаяния, толерантного общения народов и культур.

Особое место в творчестве И. Бобровского занимает тема Сарматии. Сарматией античные авторы называли край между Вислой и Неманом, основу населения которого составляли языческие пруссы (до завоевания Тевтонским орденом). Это именно те места, которые были так дороги писателю с детства. Однако для Бобровского Сарматия представляет собой не просто некое географическое место, но символ безграничной вины и в то же время своеобразный перекресток культур, традиций и судеб различных народов. В этом плане совершенно точно наблюдение В. Х. Гильманова, который отмечает: «...в творчестве Бобровского Сарматия предстает не как географическое пространство, но прежде всего как место истории, а точнее как локус исторической вины народов по отношению к друг другу — начиная от насильственной колонизации немецкими рыцарями восточных земель в Средневековье и заканчивая массовыми убийствами евреев и славян в годы Второй мировой войны и последовавшим затем изгнанием гражданского немецкого населения из Пруссии. Сарматский топос предстает у Бобровского как топос общей вины и общей судьбы, но одновременно и как топос надежды на очищающую и преобразующую память» [4, с. 148].

По мнению поэта, Сарматия должна стать уроком для современников и потомков; упоминание о ней должно отсылать к трагическим событиям истории, быть не только горьким упреком, но и тем, что будет побуждать людей сохранять мир, проявлять милосердие и уважение как к другим культурам в целом, так и к каждому человеку в частности. По поводу особой роли образа Сарматии

в творчестве Бобровского В. Х. Гильманов пишет: «“Сарматской” диалогичностью проникнуто все творчество Бобровского, которое в целом представляет собой уникальную художественную попытку ответа и ответственности: на этом диалоге основываются и его поэтические проекты — “проект Памяти”, “проект Надежды”, “проект Пророчества”» [5, с. 109].

Впервые образ Сарматии появился в большом стихотворении Бобровского «Элегия памяти пруссов» («Прусская элегия» — «Pruzzische Elegie»), где поэт говорит о вине давно минувших дней. Это самое значительное стихотворение, посвященное судьбе пруссов. В нем Бобровский впервые в мировой культуре обращается к судьбе пруссов, истребленных тевтонцами, но оставивших Пруссии свое имя. Обращаясь к исчезнувшему народу, поэт стремится донести до современников и потомков его дыхание, его голос, который сам писатель впитал вместе с впечатлениями детства, донести «из чащи лесов» и заставить людей вспомнить о «народе Перкуна и Пикола». Говоря об этом стихотворении, Г. В. Синило отмечает: «Особое программное звучание приобретает «Прусская элегия» (или “Элегия памяти пруссов”) — большое стихотворение-реквием, соединяющее в себе черты плача и гимна — двух древнейших лирических жанров, известных человечеству. Продолжая “гердеровскую” тему, поэт воспеваает исчезнувший народ, оплакивает еще одну умолкнувшую навсегда струну многозвучной арфы (именно так, как многострунную арфу в руках Творца, в которой уникально звучание каждой струны, воспринимал Гердер человеческую культуру)» [7, с. 163].

С первых строк ощущается вся полнота чувств, невероятно сильная сгущенность их, и скорбь автора по истребленному народу смешивается с желанием отразить величие его через описание того, каким он был. Это желание напомнить о том, что любой народ, даже не оставивший весомых материальных или письменных памятников, неповторим, уникален, а память о нем растворена в ландшафте. Стихотворение напоминает о событиях, которые привели к исчезновению прусского народа: уничтожение его Тевтонским орденом под предлогом христианизации. Бобровскому, хорошо знавшему историю, одинаково трепетно и уважительно относившемуся ко всем народам, было невероятно больно оттого, что народ с такой долгой историей, хранившей память поко-

лений, был так безжалостно истреблен, и именем Христовым. Он все еще слышит голоса пруссов, их предания, звучащие в шелесте листьев вековых деревьев; чувствует их незримое присутствие в могильных курганах, да и сами рощи — свидетели прошлого — живое напоминание о навеки ушедших.

Бобровский в этом стихотворении многое строит на музыкальных ассоциациях, на звуках: вначале он говорит о том, что поет народу песню, упоминает песни из уст старух, предания, звон колоколов, зов старины. При этом автор дает звукам очень трагическую окраску (песня — горькая, песня — едва различимая), подчеркивая тем самым, что народ заставили замолчать, стерев его с лица земли. Давая такую звуковую характеристику, поэт стремится сильнее воздействовать на эмоциональную сферу читателя, на его восприятие. В стихотворении история многим не известного, забытого народа вновь наигрывает свою песню, в голове возникает мелодия, которую пытается сквозь строки передать автор. Во вступлении она горькая, трагичная, но когда Бобровский начинает говорить о самом народе, его религии, его культуре, будто бы припоминая давно забытые дни, он говорит об этом со светлой грустью, как будто пруссы живы не только в памяти. Таким образом, поэт пытается реконструировать спокойную, блаженную жизнь древнего народа. И все же затем начинает звучать самая страшная часть — как сказал бы сам Бобровский, который был тонким музыкантом — часть в ритме и выразительности долорозо — «скорби» («via dolorosa» — «дорога скорби» Христа):

Народ,
Сожженный молнией с неба,— Твой крик потонул
в облаке дыма! –
народ,
перед Матерью Бога чужого
плясавший
и рухнувший наземь.
(О, как за медной броней
своих воинств выходит она
из леса! Как вслед ей плывет
распятье кровавое Сына!)

(Перевод Г. Ратгауза) [3, с. 157]

Ужасающее впечатление производят строки стихотворения, в которых мирная картина существования сменяется изображением выжженной земли, рек, полных крови, сменяется звуками воплей из дыма. Автор еще раз подчеркивает всю несправедливость по отношению к пруссам, всю абсурдность содеянного с ними, что ярче всего отражено в строках, где автор описывает «приобщение» к вере Христа. Воистину дико звучит то, что Распятие и образу Матери Божьей предшествуют войска, губители народов: «О, как за медной броней / своих воинств выходит она / из леса! Как вслед ей плывет / распятие кровавое Сына!»

Эти события, пусть и далекие, для автора, — как будто недавно произошедшие: они до сих пор «леденят кровь в жилах». Поэт подчеркивает, что некому даже оплакать этот народ, лишь его «скупая от слез / песня» плачет о нем. Несмотря на то, что автор посвятил памяти пруссов достаточно большое стихотворение, попытался припомнить все, что связано с пруссами (обряды, обычаи, верования, уклад), ничто из этого не сможет как следует напомнить человечеству об их истории — это всего лишь скупая слеза...

Впечатляет предельный лаконизм, который побуждает читателя к мыслительной деятельности; при этом чувствуется динамизм, особый драматизм тех событий в каждом слове. Нельзя не согласиться с Е. А. Леоновой, которая отмечает: «Необычен и в буквальном смысле слова беспокоен поэтический язык И. Бобровского, виртуозный, то напряженно-медлительный, то энергичный, красочный — и рациональный, скрывающий в себе глубокий смысловой подтекст и тонкую иронию, — он в то же время находится в постоянных поисках новых возможностей самовыражения» [8, с. 206]. Очень ярким в стихотворении является прием повтора и при этом вынесения в отдельную строку слова «Volk» («народ»), что придает четкий ритм стихотворению, несет особую смысловую нагрузку и расставляет дополнительные акценты.

Примечательно и то, что в «Элегии памяти пруссов» Бобровский не изменяет себе и выражает генеральные смыслы утонченно, через описание ландшафта, который занимает значительное место в произведениях поэта. Однако роль ландшафта не сводится к пейзажной лирике, как, по замечанию исследователя творчества Иоганнеса Бобровского Ада ден Бестена, принято было считать ранее, да порой и сейчас. Не был поэт и реалистом. Его

пейзажи — насквозь символы и метафоры. Говоря о роли пейзажа в лирике Бобровского, Г. В. Синило отмечает: «Каждая названная вещь, каждый элемент пейзажа необходимы, чтобы обнаружить связь времен, разбудить нашу память, оживить забытое, прочувствованное, пережитое — и не только в индивидуальном опыте, но и в опыте поколений» [6, с. 254].

Таким образом, ландшафт в творчестве Бобровского — говорящий элемент, через него зачастую автор раскрывает глубинные смыслы. Природа у Бобровского чувствует, переживает, страдает. Ее краски передают не только настроение, но и чаяния, она предстает как одухотворенное, живое существо, она неотрывна от человека. Особенностью является и то, что ландшафты у Бобровского плавно перетекают в портреты людей, творцов. Такие стихотворения уместнее назвать «портретными», нежели стихотворениями пейзажной лирики.

Говоря о функции ландшафта в своем творчестве, поэт признавался: «Меня привлекает не ландшафт как таковой, но ландшафт лишь в связи с человеком и как поле деятельности человека» [1, с. 67]. В этом самом природном поле деятельности человека автор уделяет особое внимание и особое место отводит таким понятиям, как «равнина», «голубка», «песок», «озеро», «снег», «дождь», «туман», «бузина». Для него это смыслообразующие понятия, говорящие образы. В какой-то мере они и наблюдатели — участники истории; они видели и переживали все, что происходило. Ландшафт у Бобровского срастается с обликом человека.

В целом же образ Сарматии, и в частности «Элегия памяти пруссов», — одно из наиболее глубоких переживаний в жизни и творчестве Иоганнеса Бобровского, который был бессменным певцом милосердия, сочувствия и гуманности.

Еще одним стихотворением сарматской тематики, именно той Сарматии Бобровского, которая, по верному замечанию Г. В. Синило, есть «великая мифологема исторического и культурного бытия, аксиологически ориентированная на толерантность, гуманизм, взаимное уважение народов и культур, их плодотворный диалог и опирающаяся на историко-культурные реалии восточноевропейского (и прежде всего литовско-белорусского) края» [6, с. 248], является стихотворение «Сартматская равнина» («Die Sarmatische Ebene»):

В душе
мгла до краев. Поздно –
вспороты жилы дня.
Синева...
Равнина поет.

Кто
повторит ее песню,
прикованную к побережью,
ее зыбкую песню:
море после штормов — ее песня.

(Здесь и далее перевод Г. Ашкинадзе) [2, с. 22]

Стихотворение рисует необыкновенно умиротворенный образ Сарматии, где некогда была такая тихая жизнь, где ребенок-пастушок насвистывал песни, пока однажды не стало лето пожарищем, не превратилась сарматская равнина в пепел:

Мягко ступает стадо,
дыша предвечерем.
Свистом
его мальчуган погоняет.
Из-за плетня
старуха
кричит ему вслед. [2, с. 22]

В столь мирную картину врывается крик (то ли это крик старухи из-за ограды, то ли самого автора с напоминанием людям очнуться, вспомнить о том, что когда-то были уничтожены целые народы), передавая который поэт меняет настроение стихотворения. Прием быстрой смены событий через использование кратких назывных конструкций подчеркивает, что в один момент все исчезло, все превратилось в «гигантское сновидение»:

Вдоль бедер твоих
струятся потоки.
Всюду влажные тени
лесов и просветы полей,

где дорогами птиц
на далекой заре
отшагали
народы
свое бесконечное время,
которое ты охраняешь во тьме.
Я вижу тебя,
тяжелая красота
безликой глиняной головы,
— Иштар тебя звали или как-то иначе? –
найденной в топи болот. [2, с. 23–24]

Не просто так в конце стихотворения возникает имя Иштар: оно говорит о том, что автор обращается и к истории древних цивилизаций Месопотамии. Благодаря этому упоминанию еще раз подчеркивается, что Сарматия — не конкретное место, это скорее образ всей культуры и он символизирует собой бесконечную вину людей за уничтожение не только пруссов, но и других народов. Нельзя не согласиться с мыслью В. Х. Гильманова: «В творчестве Бобровского эта история представляет собой тематическую доминанту и главный повод для преобразующего воспоминания о “потерянном времени” и для сотериологического проекта...» [5, с. 106]. Это действительно так, но в творчестве Иоганнеса Бобровского сотериология, на наш взгляд, проявляется в первую очередь не в богословском смысле (хотя и в нем, очевидно, тоже), но прежде всего — в недопустимости забвения. Без этого не будет прощения и, конечно, Спасения ни отдельному человеку, ни всему человечеству. В силу этого и ландшафт Сарматии становится спасительным вместилищем и хранилищем культурно-исторической памяти.

Литература

1. Johannes Bobrowski: Selbstzeugnisse und neue Beiträge über sein Werk.— Berlin, 1975.
2. Бобровский, И. Избранное / И. Бобровский ; предисл. Ю. Архипова ; ред. стихотв. переводов К. Богатырев.— М., 1971.
3. Бобровский, И. И руку тебе подает зовущий... : стихотворения / И. Бобровский ; пер. Г. Ратгауза // Немига литературная.— 2000.— № 1.— С. 156–160.

4. Гильманов, В. Х. «Мгновение для Мессии»: эсхатология сарматского времени в творчестве И. Бобровского / В. Х. Гильманов // Балтийский филологический курьер.— 2013.— № 9.— С. 145–155.

5. Гильманов, В. Х. Хроносотериология «Кёнигсбергского текста» / В. Х. Гильманов // Слово.ру: Балтийский акцент.— 2013.— № 4.— С. 93–114.

6. Синило, Г. В. Еврейская тема в поэзии Иоганнеса Бобровского / Г. В. Синило // Научные труды по иудаике : в 2 т.— М., 2012.— Т. 2.— С. 240–267.

7. Синило, Г. В. Ландшафт истории, культуры, памяти: лирика И. Бобровского / Г. В. Синило // Немига литературная.— 2000.— № 1.— С. 161–165.

8. Поэзия ГДР : Антология с параллельным текстом на нем. и рус. яз. / послесл. А. А. Гугнина.— М., 1983.

Ю. Ландсбергите

Вильнюс, Институт исследований культуры Литвы

(Jūratė Landsbergytė-Becher

Vilnius, Lithuanian Culture Research Institute)

Dialog with R. M. Rilke in creative work by Lithuanian composer Onutė Narbutaitė

The famous contemporary Lithuanian composer Onutė Narbutaitė (b. 1956) discovered a source for her creative inspirations in Reiner Maria Rilke's poetry. This is a special phenomenal connection in the sense of cultural dialogue, revealing the depth of Rilke's poetry and transforming it into the present. Here the actual visions of the philosophy of time with European humanistic values and its apocalypse, solitude of artist are found providing new spaces for interpretations in Narbutaites music.

Obviously Onutė Narbutaitė is a valuable asset to contemporary Lithuanian cultural reflections because of her special relationship with Western European culture and art. It feels like she absorbs the sap of aestheticism from a cultural sunset, looks for a particular residual value suspended by elapsed signs of epochs, delivering meaning to peoples' destinies. Exploiting the fragility of her feminine manner the composer touches painful and karmic themes. Her creative style is integrated into literature: she is also a poet and an artist, and via her musicological style she is strongly linked to the history of music and a reflection of depths in the psychology of art. She absorbs the pulse of the turn